Публикации. Воспоминания. Сообщения

Елена ДУБРОВИНА

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ТЕМА В СТАТЬЯХ ЮРИЯ МАНДЕЛЬШТАМА*

Аннотация. Статья раскрывает основное направление литературы первой волны эмиграции, опираясь на работы поэта и литературного критика Юрия Владимировича Мандельштама. Здесь рассматриваются причины возникновения нового направления и метафизический подход к творчеству прозаиков русской диаспоры, основанный на современных философских учениях. Именно тема духовного развития четко прослеживается почти во всех статьях Юрия Мандельштама, что дает нам возможность лучше понять ту

Елена ДУБРОВИНА, поэт, прозаик, эссеист, литературовед, переводчик, автор девяти книг на русском и английском языках, включая двуязычную антологию «Russian Poetry in Exile. A Bilingual Anthology», а также автор-составитель готовящегося к печати собрания сочинений Юрия Мандельштама в 3 томах. Печатается в русскоязычной и англоязычной периодике. Главный редактор американских журналов «Зарубежная Россия: Russia Abroad Past and Present» и «Поэзия: Russian Poetry Past and Present» (Charles Schlacks, Publisher). Email: yelena_dubrovin@yahoo.com.

* Настоящая подборка представляет подготовленное к печати издание: [Мандельштам 2018].

«метафизическую атмосферу», которая царила в эмигрантской литературе 1920—1930-х годов.
Ключевые слова: Ю. Мандельштам, метафизика, онтология, литература первой волны эмиграции, философские учения 1920—1930-х годов, религиозное прозрение.

Легкого пути у литераторов русской диаспоры не было. Из послереволюционной, разрушенной России, спасая свое искусство, многие из них направлялись в центр европейской культуры — Париж. По статистике, с 1917-го по 1922 год из России удалось уехать более чем миллиону человек. Юрий Мандельштам в статье «Письмо молодому поэту» подчеркивал, что «поэт не имеет права выбирать легкий путь, ибо только труднейший — правильный и праведный» [Мандельштам. *Письмо*...].

Для эмигрантского писателя встал вопрос выживания на чужой земле, и каждый решал его по-своему, обращаясь к собственной совести. Недаром поэт Юнг назвал это поколение поколением «обнаженной совести». В изгнании оказалась значительная часть интеллектуальной элиты России. Покидая страну, русская интеллигенция спасала не только себя, она спасала творческую свободу, увозила с собой творческие традиции Серебряного века, сознательно или бессознательно сохраняя русскую культуру. Вырваны корни, под ногами зыбкая чужая земля — неприветливая, не распахивающая объятий, но открывающая черную пасть нужды и лишений. В 1939 году в статье «Конец Зарубежья», напечатанной в «Современных записках», Ю. Рапопорт писал:

> Покинув родную землю, беглецы вовсе не считали, что покинули родное государство: они унесли его с собой. Русские на чужбине — не разрозненные толпы, но некоторое единство, символически представляющее весь русский народ и образующее государство без территории — Зарубежье [Рапопорт: 374].

За границей оказались многие выдающиеся литераторы, которые сейчас известны в России. Однако еще остаются в забвении имена многих поэтов и прозаиков, достойных нашей памяти. Возможно, когда-нибудь и их вклад в мировую

литературу будет оценен по достоинству. «...Понятие творчества в эмиграции искажено не было, духовная энергия на чужой земле не иссякла и когда-нибудь сама собой включится в наше вечное, общее русское дело», — писал Г. Адамович в книге «Одиночество и свобода» [Адамович 1955: 11].

Имя Юрия Владимировича Мандельштама, поэта, журналиста и литературного критика первой волны эмиграции, в России забыто, хотя вклад его в русскую литературу несомненен. В 1920 году, в 12-летнем возрасте Юрий Мандельштам покинул страну своего детства с мечтой когда-нибудь снова туда вернуться. Но судьба распорядилась иначе. Поселившись в Париже, Юрий окончил русскую гимназию с серебряной медалью, одним из первых в потоке — Сорбонну и полностью посвятил свою жизнь русской литературе. Юрий Мандельштам свободно владел пятью иностранными языками и публиковал свои критические статьи в русских и французских периодических изданиях. С 1939 года, после смерти В. Ходасевича, он заменил его на посту главного редактора критического отдела «Возрождения», наиболее популярной газеты русского Парижа. Но литературная жизнь его прервалась с вторжением немецких захватчиков во Францию. Юрий Владимирович Мандельштам погиб в Освенциме в 1943 году, через неделю после своего 35-летия.

Только в одной русской зарубежной периодике он опубликовал более 400 статей, где основное внимание обращал на поиск новых форм в литературе, на развитие *метафизической темы*, ибо его главная задача была в исследовании сокрытых душевных процессов, отразившихся в литературе того периода, а также в том, чтобы проследить связь между произведениями автора и его душевной и духовной жизнью и, самое главное, дать читателю почувствовать характер той эпохи и описать состояние героев с точки зрения метафизического и антологического подхода.

Юрий Мандельштам ясно понимал, что драма человеческая в огромном чужом мире, жизнь в постоянной нужде, отсутствие читателя, родной почвы обостряли восприятие мира и взаимоотношения человека с человеком. Изолированность, одиночество, горе, потери, оторванность от родины заставляли эмигрантских писателей глубже всматриваться в себя, анализировать свое мироощущение. Личная

драма Юрия Мандельштама — смерть от туберкулеза молодой жены, Людмилы Стравинской, дочери Игоря Стравинского, — заставила его переосмыслить и свой собственный духовный путь, глубже понять движение души от неверия в высшие духовные силы — к Богу. В одном из своих стихотворений он признается:

Хор за стеною пел
Странные песни.
Молился монах:
Знал я сомненье и медленный страх.
Боже, прости мне, что темной тропою
Я не решался идти за Тобою!

В такой момент душевных и духовных исканий новые философские учения открыли Юрию Мандельштаму глаза на тот подход к литературному творчеству, который был ему близок, ибо каждое рассматриваемое им произведение служило ему иллюстрацией принятой им философии. Особенно отмечал он в своих статьях путь героя к религиозному прозрению, так как через постепенное духовное созревание, религиозное искание герой в конечном итоге должен прийти к религии. Новые литературные формы, считал он, могут появиться лишь при новом восприятии мира и себя.

В статье «Вымышленные воспоминания» Юрий Мандельштам поддерживает точку зрения французского писателя Дюамеля о том, что цель человеческой правды — преображение жизни в свете высших духовных ценностей. И только духовное прозрение выведет человека из мрака к свету, Богу и Истине. Духовные и житейские волнения, считает Юрий Мандельштам, должны привести к религии, ибо «естественное разрешение духовных конфликтов обращено к вере» [Мандельштам 1934: 5—6].

Неоднократно употребляет в своих статьях Юрий Мандельштам термин «онтологизм», непосредственно связанный с понятием метафизики. Согласно онтологизму, сознание человека находится внутри бытия, и приобретение знаний идет через интуитивное познание Бога. Через мистический и религиозный опыт человек может установить связь с Богом и найти свою Истину и Правду. Николай Бердяев утверждал в своих писаниях, что личность существует только в том случае, если есть Бог, а Истина — это освещение тьмы.

С такой же особой меркой подходил Юрий Владимирович и к литературному творчеству своих современников. Значимость метафизической темы в литературе того времени, не только русской эмигрантской, но и французской, была для него неоспорима.

> У эмиграции есть — в принципе, конечно (но не слишком ли мы забываем о принципе?), — свое духовное дело, своя культурная и, в каком-то смысле, даже религиозная миссия, своя метафизическая тема. Не случайно эмигрантская литература столько говорит о чувстве одиночества человека в мире, о пребывании в безвоздушном пространстве [Мандельштам. *«Отрыв»*...].

Если рассматривать литературу как духовное творчество, то творческое восприятие и познание мира и искусства, внимательное всматривание в душу человека и слияние ее с божественным началом стали основной темой писателя-эмигранта. Задача писателя, считал Юрий Мандельштам, — прикоснуться к духовности, убедить себя самого и других в своей причастности к ней, сделать читателя сопереживателем своих духовных поисков и страданий. Душа писателя должна как бы слиться с душой читателя, найти общую точку сопереживания и взаимопонимания, то есть из души единичной стать душой мировой, приобщенной к божественному.

Важно отметить, что «духовное беспокойство», духовный путь и рост героев романа для Юрия Мандельштама были ближе, чем занимательная канва произведения. Так, например, он отмечает, что в романах Бориса Зайцева «духовные и житейские волнения его героев приводят почти всех их к религии» [Мандельштам. *Дом*...]. Критика привлекает герой романа, «тревожимый религиозными и мистическими откровениями». Говоря о героине романа Надежды Городецкой[1] «Дети в изгнании», Мандельштам пишет: «После любовных разочарований и неудачи общественной она обращается к вере, хотя и почти бессознательно. Ее ду-

---

[1] *Надежда Городецкая* (1901—1985, Англия) — писатель, публицист, доктор философии, профессор. Печаталась на русском, французском и английском языках. Уехала из России в 1919 году.

ховный путь обрисован Городецкой, пожалуй, убедительнее всего» [Мандельштам. *Дети*...]. Естественное разрешение духовных конфликтов, считал он, — обращение к вере.

Однако, попав в новые, непривычные для себя условия, окунувшись в мир нищеты, каждодневной борьбы за выживание, русская интеллигенция часто воспринимала эмиграцию в искаженном виде. Г. Адамович отмечает, что в своих романах Г. Газданов изображает «годы своего ночного шоферства в Париже, блуждания по городу, встречи с чудаками и пьяницами, беседы с людьми, ночью живущими, а днем спящими: мир причудливый и совсем особый...» [Адамович 1939]. Или взять, к примеру, высказывания Г. Иванова в «Распаде атома» о том, что духовная жизнь кончилась, перегорела в этом распавшемся атоме, человеке: «...огромная духовная жизнь разрастается и перегорает в атоме, человеке, внешне ничем не замечательном, но избранном, единственном, неповторимом». Искание Бога кончается стойким чувством — Он оставил человека наедине с собой, и умирает в душе гармония:

> Так болезненно отмирает в душе гармония. Может быть, когда она совсем отомрет, отвалится, как присохшая болячка, душе станет снова первобытно-легко. Но переход медлен и мучителен. Душе страшно. Ей кажется, что одно за другим отсыхает все, что ее животворило. Ей кажется, что отсыхает она сама. Она не может молчать и разучилась говорить. И она судорожно мычит, как глухонемая делает безобразные гримасы («Распад атома»).

Нота метафизическая, исповедальная и упаднически-безнадежная звучала неоднократно в произведениях писателей-эмигрантов. Суть своей личной трагедии и трагедии всего поколения выражали они в своем творчестве. В романе Эммануэля Бова[2] автора волнует тема освобождения человека от всего наносного, общественно-житейского во имя

---

[2] *Эммануэль Бов (франц. Emmanuel Bove,* настоящее имя *Эммануэль Эммануилович Бобовников* (*франц. Emmanuel Bobovnikoff*), 1898—1945) — французский писатель и художник русского происхождения. Входил в первый ряд французской литературы 1920—1930-х годов, был почти полностью забыт после Второй мировой войны. Стал снова известен только в 1970-х годах.

душевной правды. Роман Надежды Городецкой «Дети в изгнании», написанный на французском языке, трактует тему, очень близкую и болезненно задевающую поколение молодежи, которая покинула Россию в раннем детстве или родилась уже в изгнании. Сущность романа — моральные искания молодежи, почти не знающей своей родины, иногда плохо говорящей по-русски. Во всех треволнениях главных героев, в трагедии их неприспособленности к жизни непрестанно присутствует Россия — «ее образ и имя, память или мечты о ней», отмечает Юрий Мандельштам. Проза молодых литераторов русской диаспоры внесла свой вклад в познание и понимание духовной жизни поколения, не знавшего своей родины.

Исследуя творчество своих соотечественников и французских писателей, Юрий Мандельштам особенно интересовался тайной творческого процесса у автора, попавшего в новые условия жизни. Он пытался понять и расшифровать его тайнопись, ухватить суть его мысли, раскрыть для читателя то потаенное, личное, что скрывал писатель за образом своего героя, то есть проникнуть в психологию самого творчества. Его занимал чувственно-духовный мир писателя — к разбору произведений он подходит с метафизической точки зрения, ибо чувственно-духовный мир человека непосредственно связан с его материальным бытием.

Здесь важно отметить, что на искусство Юрий Мандельштам смотрел как на эмоциональное переживание, отрицая при этом «индивидуализм» в литературном процессе как философию и объясняя это тем, что преодоление индивидуализма возможно лишь в раскрытии иной, более глубокой личности, в стремлении к онтологической сущности в духовном, а не душевном искании. Именно поэтому основное внимание в своих статьях Юрий Мандельштам обращал на поиск новых форм в литературе, на развитие метафизической темы, на выражение «духа» того времени, в котором жили сами писатели. «Монтерлан не исследователь душ, — пишет Юрий Мандельштам, — он — искатель. Он весь и постоянно в движении, в одном глубоком внутреннем стремлении. Человеческие души ему нужны лишь постольку, поскольку сквозь них он различает свою цель,

уже не психологическую, а онтологическую» [Мандельштам. *Монтерлановские*...]. Недаром сам Мандельштам назвал сборник своих очерков «Искатели» (1938).

На вопрос, почему метафизическая тема заняла такое важное место в эмигрантской литературе, Юрий Мандельштам отвечает:

> Разочарование в коммунизме — следствие, во всяком случае, лишь один из элементов огромного сдвига, душевного и духовного, происходящего в эмигрантской литературе и столь разительного, что диву даешься, как именно его не заметила литературная критика. В «Моей Вине», кроме политического мотива, звучит серьезнейшая, трагичнейшая метафизическая тема [Мандельштам. *Эволюция*...].

О французском писателе Жане Фэга, выпустившем роман о Кронштадтском восстании 1921 года, Мандельштам пишет: «Жан Фэга заслужил благодарность русских, благодарность будущей России, благодарность всех, чувствующих не одно лишь фактическое, а метафизическое зло коммунистической власти» [Мандельштам. *Матрос*...]

В силу «эмигрантских особенностей» направление и тема литературы приобретают все более важный и обостренный смысл. Явление это Мандельштам назвал «метафизическим заказом». И хотя два понятия — «метафизическая тема» и «метафизический заказ» — тесно связаны, смысл их разнится. Под «метафизическим заказом» Мандельштам понимает уход от литературы заказной, принудительной, от коммунистической направленности, но при этом не исключает заказ естественный, направленный на интересы читателей, свободный от насилия партийных указаний. «Заказ социальный» остался в России, но писателю, свободному от этих уз, нужна другая тема, другое направление в литературе, поэтому и приняла литература эмигрантская заказ и тему метафизическую. Приход в русскую зарубежную литературу темы метафизической нераздельно связан со свободой творчества.

При внимательном прочтении статей Мандельштама бросается в глаза тот факт, что почти все они объединены одной темой — метафизической, которая явилась порож-

дением времени, то есть тех обстоятельств, в которых оказались эмигрантские писатели. Об этом он говорит в статье «“Метафизический заказ” в эмигрантской литературе»:

> Тема эмигрантской литературы остается метафизической, темой вечной мировой трагедии, разлитого в мире неблагополучия и стремления это неблагополучие преодолеть. Тема труднейшая и ответственнейшая, ибо никаких готовых решений не признающая. Без подлинного духовного переживания, без собственного, личного, в каждом данном случае неповторимого опыта она превращается в словесное кружево, в пустые формулы, то есть просто-напросто перестает существовать [Мандельштам. «*Метафизический*...»].

В начале мая 1930 года в Париже, в объединении писателей «Кочевье» состоялся вечер, на котором разбирался недавно вышедший сборник поэзии Георгия Иванова «Розы». Вступительное слово дали Борису Поплавскому. Он говорил о метафизической сущности поэзии Георгия Иванова, о его стремлении «подыскать свой собственный ключ» [Поплавский: 102]. О своем поколении Поплавский писал, что оно обогатило эмигрантскую литературу «новым совместным открытием, касательно метафизики “темной русской личности”» [Поплавский: 102]. И у самого Поплавского, как подчеркивал Мандельштам, была «своя метафизическая атмосфера, порою даже остро ощущаемая» [Мандельштам. *Заметки*... 37].

Притягательная для литераторов русского Парижа, метафизическая тема приравнивается Мандельштамом к духовному устремлению, исканию смысла жизни, к тенденции мистико-религиозного постижения, концентрации на внутреннем духовном опыте. В 1939 году, переосмыслив творчество литераторов и художников своего поколения, он писал в газете «Возрождение»:

> Всякое искусство можно рассматривать в двух планах: в плане так называемого «чистого искусства», т. е. как совокупность средств и приемов, которыми оно пользуется (сюда входит и самый «материал» ее — словесный, образный, звуко-

вой — и распределение его, т. е. «архитектоника» и вся техническая сторона), и в плане метафизическом или, как его называл покойный Ходасевич, «онтологическом», т. е. в его духовной устремленности, основного его импульса и конечной направленности [Мандельштам 1939].

Формированию метафизической темы способствовала и интеллектуальная атмосфера предвоенного Парижа. В 1933 году в Париже выходят записки французского ученого и писателя Габриэля Оноре Марселя, одного из первых французских философов-экзистенциалистов. Основными его произведениями были «Метафизический дневник» и «Опыт конкретной философии». Эти записи отразили направление литературного процесса 1920—1930-х годов прошлого столетия. Мандельштам был, по всей вероятности, хорошо знаком с философскими работами своих современников, включая Габриэля Марселя, Анри Бергсона, Николая Бердяева, Бориса Вышеславцева, Николая Лосского, Льва Шестова и других. Юрий Владимирович серьезно относился в своих статьях к литературному процессу, освещая такие актуальные для того периода литературы темы, как «метафизический заказ» в эмигрантской литературе, «иссякновение вымысла», любовь в современном романе, возрождение новеллы, судьба романа, критики о критике и другие, подходя к ним с точки зрения современной философии.

Опыт выхода человеческого сознания в метафизические пространства очень сложно поддается формализации и логическому описанию, но здесь как раз актуально направление, которое было задано поэтами и прозаиками-метафизиками. Уход в себя, поиск духовного видения мира, осмысление смерти на метафизической основе, субъективные переживания таких понятий, как бессмертие, вечность, Бог, ставили поэзию и прозу первой волны эмиграции на новый художественный уровень. Бердяев писал, что постигнуть смысл жизни есть самое важное дело, что смысл этот лежит за пределами мира, а мир упирается в тайну, в которой рациональное мышление кончается.

«Творческая тайна испокон веков тревожит человеческое воображение и любопытство не меньше, чем само

стремление к творчеству. Читатель, сам к искусству непричастный, хочет извне исследовать его признаки и, таким образом, проникнуть в его суть и приобщиться к непонятному секрету» [Мандельштам. *Писатель*...]. Эти строки из статьи Юрия Мандельштама раскрывают суть его мировоззрения и собственного подхода к литературному творчеству. Постижение Тайны и проблема доказательств бытия Бога прослеживаются в произведениях молодого поколения эмиграции. Герой рассказа Сергея Шаршуна «Добро зло» так выразил эту философскую концепцию: «Жизнь его была как-то пришибленно дика, перепутанная с непрощаемым высокомерием, полная мучительных, подсознательных потуг, переживаний мистического устремления в тайны жизни и смерти — т. е. он был религиозен».

Для того чтобы понять Тайну, считал Марсель, требуется направленность всех внутренних сил, полная сосредоточенность на своем «я». В статье о французском писателе Анри де Монтерлане Мандельштам пишет о том, что автор понимает ту единственную ценность, которую нельзя изменить, — «глубокое пение» в душе человека, его целостную и неделимую личность, его первичное, метафизическое и божественное «я» [Мандельштам. *Анри*...]. Под «сосредоточенностью» Марсель понимает медитативное состояние обращенности в себя, уход от всего внешнего и чуждого, установление «внутренней тишины». Способность к сосредоточению заложена, по словам автора, в «самой метафизической структуре бытия». «Сосредоточенность и глубину» отмечает Мандельштам и в произведениях современных авторов: Вирджинии Вульф, Дюамеля и других. Из этого корня, утверждает автор, вырастает всякое надрациональное постижение — музыка, поэзия, пророческое видение. В статье о романах французского писателя Дюамеля Мандельштам пишет: «Там была сосредоточенность, тревожное и пристальное искание; теперь — несомненная духовная опытность, человеческая и писательская зрелость» [Мандельштам. «*Хроника*...»].

Рассматривая философские учения 1920—1930-х годов, нельзя не упомянуть имя религиозного философа Бориса Вышеславцева. Одна из тем, которая глубоко интересовала

Вышеславцева, — это взаимоотношения между христианством и теософией. Тема эта особенно была близка русским литераторам, увлекавшимся антропософией австрийского философа Рудольфа Штейнера. Среди учеников Штейнера и его слушателей были поэты, писатели, актеры, как, например, Андрей Белый, жена его — Ася Тургенева, Максимилиан Волошин, актер Михаил Чехов и многие другие. Одной из проблем, рассматриваемых Вышеславцевым, была тема бессмертия души, которую он осветил в статье «Бессмертие, перевоплощение и воскресение». Здесь он идет дальше учения Рудольфа Штейнера, углубляясь в понятие «подсознание». Главное, на что он указывает, — научный оккультизм, парапсихика — таинственная и неисследованная мощь подсознания. Как отметил Мандельштам в одной из своих статей, «не верящий в бессмертие не уничтожает самого бессмертия» [Мандельштам. *Алгебра*...].

Определение метафизического подхода к литературе, особенно роль подсознания, можно проиллюстрировать на рассказе Б. Вышеславцева «Париж»[3] (1923), который отвечает всем требованиям метафизической философии. Герой писателя Петр Иванович одарен неким метафизическим чутьем и слухом. Он едет в Париж на встречу с любимой женщиной, но, попав туда, теряет «чувство времени». Как очарованный, смотрит герой на «эту мировую сцену» и угадывает тысячи трагедий и комедий.

> Какое множество индивидуальных душ, жизней, судеб, миров! Все индифферентно друг к другу и непроницаемо, все таинственно слито в единую душу мирового города. Я осязал тело Парижа, его камни, его влагу, его деревья; я заглянул в его душу — заглянул и загляделся, задумался, потерял волю.

Герой мучается тайной человеческой души, возможностью постижения ею неведомого и слияния с мировым пространством. «Душа моя бесконечно размножилась, влилась во все души и растеклась до пределов вселенной;

---

[3] См.: [Вышеславцев].

и, вместе с тем, не теряла своего творческого центра, откуда дух как бы играл образами — фантазировал, угадывал, шутил...» — говорит автор устами своего героя. Цена этого мгновенного опыта, мистические переживания души стали для него — бессмертием, блаженством, таинственным, потусторонним светом, вдруг озарившим его существование. Невольно на ум приходят строки Георгия Иванова:

Сиянье. Душа человека,
Как лебедь, поет и грустит.
И крылья раскинув широко,
Над бурями темного века
В беззвездное небо летит.

Юрий Мандельштам писал о поэзии Георгия Иванова: «Странная вещь поэзия — в момент, казалось бы, полного отказа от просветления она вдруг засияет самым ярким и таинственным светом, залогом полного освобождения и преображения» [Мандельштам. *Заметки*...]. Тот же таинственный свет, который искал он в романах своих современников, видим мы и в поэзии Юрия Мандельштама.

Какая ночь! Какая тишина.
Над спящею столицею луна
Торжественною радостью сияет.
Вдали звезда неясная мерцает
Зеленым, синим, розовым огнем.

Часто Мандельштам в статьях выделяет именно того автора, который указывает своему герою «путь к свету»: «Почти без сомнения, он даст новую капитальную книгу, которая если и не рассеет ночной мрак, то в самом протесте против него укажет и наметит некий трагический путь к свету» [Мандельштам. *Эволюция*...].

Герои многих романистов того времени идут по этой тернистой и мистической дороге в поиске «света» и своего истинного «я», своей «правды», видя в то же время свое назначение в воплощении на земле высшей правды. В «Трактате о вымышленных воспоминаниях» Дюамель предупреждает, что «вымышленная правда» в искусстве никогда правдивой не оказывалась. Важна и необходима

другая «поэтическая или человеческая правда», то есть некая глубокая сущность, постигаемая в литературе очень часто именно через вымысел. Эту мысль Дюамеля Мандельштам особенно остро прослеживает в творчестве эмигрантских и западноевропейских художников, прозаиков, поэтов. В поисках своей правды, добра и любви постоянно находятся лирические герои его поэзии и его статей о Рембо, Г. Иванове, Ладинском, Розанове и др.

Для Мандельштама важными компонентами творческого процесса были «*чистая душевность*», которая должна была поддерживаться переживанием духовным, иначе она начинает «расплываться, распадаться, таять на наших глазах» [Мандельштам. *Путешествие*...], и та правдивость, с которой он подходит к своим творениям. Я хочу подчеркнуть слова «*чистая душевность*», так как ложь он не признавал ни в жизни, ни в литературе, тонко угадывал фальшь, часто и беспощадно критикуя таких авторов. Правдивость и честность, как в жизни, так и в творчестве, были характерными чертами самого автора критических статей.

«В чем смысл жизни и творчества?» — этот вопрос волновал Юрия Мандельштама с точки зрения человеческой и литературной. Он считал, что современному роману нужно было сознательно и по-новому, с «новым трепетом» поставить этот вопрос. Но для того, чтобы вопрос этот решить, автор должен был подойти к нему в свете преображенного жизненного опыта. В статье «Иссякновение вымысла» он предупреждает о том, что реалистическое, фотографическое искусство ведет к творческому умиранию.

> И только стремление к духовному освобождению должно стать основной темой и основным двигателем романа. По отношению к нему распределяются все остальные его элементы: фабула, психология, быт и социальные тенденции, когда жизнь не просто переносится в искусство, она преображается. Искусство — продолжение жизненного опыта, а не историческая реконструкция. Оно воспроизводит лишь главное в человеке, а не его фотографии [Мандельштам. *Иссякновение*...].

По его словам, творчество не слепое повиновение силам, в нас заложенным, а сотрудничество с ними. «Бог, —

пишет Мандельштам, — как бы оставил мир недосозданным, дав нам миссию продолжать творение» [Мандельштам. *Писатель...*]. В этом смысле писатели и художники являются, по его утверждению, как бы «христианами по природе», даже если сами того не признают. То есть творческий путь писателя он видел не в прямом отражении действительности, а как действительность, преображенную в душе и творчестве автора. В рецензии на книгу стихов В. Ходасевича «Тяжелая лира» Мандельштам пишет о том, что путь Ходасевича лежал через уничтожение, преодоление и преображение.

Читая критические статьи Юрия Мандельштама, не перестаешь удивляться его наблюдательности, литературной чуткости и интуиции. Любое искусство он понимал как некий мост между духовным и реальным мирами. Анализируя романы французского писателя Жуандо, он отмечает значимость снов, так как в них проявляется известное предопределение в смысле неизбежности вечной жизни. Корни творчества находятся вне сферы нашего сознания, но где-то по соседству со снами, с глубокими жизненными инстинктами или интуицией, где-то рядом с тютчевским ночным «хаосом»: «О, страшных песен сих не пой — под ними хаос шевелится». Мандельштам убежден, что «эмигрантская литература унаследовала от символизма известное презрение к писателям “реалистической школы”» [Мандельштам. *Куприн*].

Юрий Мандельштам предсказал молодым писателям, одаренным духовными стремлениями, будущий успех: «Действительная метафизическая направленность не ставится нами под сомнение — она всегда единственный, глубинный двигатель всякого творчества, а в эмиграции необходимость ее стала очевидной» [Мандельштам. «*Метафизический...*»]. Он полагал, что, пройдя «через бездны сомнений, мучений и отчаяния», многие русские писатели эмиграции, выбравшие метафизический путь, были способны прийти «к радости и блаженству» именно потому, что тот человек, который верует в духовную цель жизни, не может также не надеяться на «преображение», хотя и «подлинное преображение сохраняет в себе элементы пережитой трагедии» [Мандельштам. «*Метафизический...*»].

Юрий Владимирович Мандельштам внес свой огромный и еще не оцененный вклад в русскую литературу. Данное Мандельштамом определение понятия метафизической литературы как «взаимоотношения между культурой творческой и культурой сотворенной» характеризует духовное состояние эпохи 1920—1930-х годов и ее «метафизическую температуру».

Филадельфия, США

Литература

Адамович Г. «Современные записки». Кн. 69-я. Часть литературная // Последние новости. 1939. 17 августа.

Адамович Г. Одиночество и свобода. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1955.

Вышеславцев Б. Париж // Современные записки. 1923. № 16. С. 92—106.

Мандельштам Ю. Вымышленные воспоминания // Меч. 1934. № 6. С. 5—6.

Мандельштам Ю. Дом в Пасси // Возрождение. 1935. 27 июня.

Мандельштам Ю. «Хроника Паскье» // Возрождение. 1935. 7 ноября.

Мандельштам Ю. Дети в изгнании // Возрождение. 1936. 2 апреля.

Мандельштам Ю. Алгебра моральных ценностей // Возрождение. 1936. 5 марта.

Мандельштам Ю. Анри де Монтерлан // Возрождение. 1936. 11 июня.

Мандельштам Ю. Монтерлановские девушки // Возрождение. 1936. 8 августа.

Мандельштам Ю. Эволюция Селина // Возрождение. 1937. 30 января.

Мандельштам Ю. Писатель и его герои // Возрождение. 1937. 18 июня.

Мандельштам Ю. Путешествие Глеба // Возрождение. 1937. 27 августа.

Мандельштам Ю. Заметки о стихах. Георгий Иванов // Журнал Содружества (Выборг, Финляндия). 1937. № 8/9. С. 30—34.

Мандельштам Ю. Письмо молодому поэту // Возрождение. 1937. 3 сентября.

Мандельштам Ю. Иссякновение вымысла // Возрождение. 1937. 8 октября.

Мандельштам Ю. Матрос Моравин // Возрождение. 1937. 10 декабря.

Мандельштам Ю. «Метафизический заказ» в эмигрантской литературе <1937> // Архив Марии Стравинской (перепечатана по рукописному оригиналу).

Мандельштам Ю. «Отрыв». Театральный сборник // Возрождение. 1938. 7 января.

Мандельштам Ю. Куприн // Возрождение. 1938. 2 сентября.

Мандельштам Ю. Книга о балете // Возрождение. 1939. 30 июня.

Мандельштам Юрий. Собр. соч. в 3 тт. / Сост., авторы предисловий Е. Дубровина, М. Стравинская. Подгот. текста, коммент., именной указатель Е. Дубровиной. М.: Юрайт, 2018.

Поплавский Б. Ю. Неизданное. Дневники. Статьи. Стихи. Письма. М.: Христианское издательство, 1996.

Рапопорт Ю. Конец Зарубежья // Современные записки. 1939. № 69. С. 373—382.

Bibliography

Adamovich G. Sovremennie zapiski. Book 69. Chast' literaturnaya [Literary Section] // Poslednie novosti. 17 August, 1939.

Adamovich G. Odinochestvo i svoboda [Loneliness and Freedom]. New York: Izd. im. Chekhova, 1955.

Mandelstamm Y. Vymyshlennie vospominaniya [Fictional Memoirs] // Mech. 1934. Issue 6. P. 5—6.

Mandelstamm Y. Dom v Passi [A House in Passy] // Vozrozhdenie. 27 June, 1935.

Mandelstamm Y. 'Khronika Paskye' [*The Chronicle of Pasquier*] // Vozrozhdenie. 7 November, 1935.

Mandelstamm Y. Deti v izgnanii [Children in Exile] // Vozrozhdenie. 2 April, 1936.

Mandelstamm Y. Algebra moralnykh tsennostey [The Algebra of Moral Values] // Vozrozhdenie. 5 March, 1936.

Mandelstamm Y. Henry de Montherlant // Vozrozhdenie. 11 June, 1936.

Mandelstamm Y. Monterlanovskie devushki [The Montherlant Ladies] // Vozrozhdenie. 8 August, 1936.

Mandelstamm Y. Evolyutsiya Selina [Céline's Evolution] // Vozrozhdenie. 30 January. 1937.

Mandelstamm Y. Pisatel i ego geroi [Writer and His Characters] // Vozrozhdenie. 18 June, 1937.

Mandelstamm Y. Puteshestvie Gleba [Gleb's Journey] // Vozrozhdenie. 27 August, 1937.

Mandelstamm Y. Zametki o stikhakh. Georgy Ivanov [Notes on Poetry. Georgy Ivanov] // Zhurnal Sodruzhestva (Vyborg, Finland). 1937. Issue 8/9. P. 30—34.

Mandelstamm Y. Pis'mo molodomu poetu [A Letter to the Young Poet] // Vozrozhdenie. 3 September, 1937.

Mandelstamm Y. Issyaknovenie vymysla [The Depletion of Fiction] // Vozrozhdenie. 8 October, 1937.

Mandelstamm Y. Matros Moravin [Able Seaman Moravin] // Vozrozhdenie. 10 December, 1937.

Mandelstamm Y. 'Metafizicheskiy zakaz' v emigrantskoy literature <1937> ['A Call for Metaphysics' in Émigré Literature <1937>] // M. Stravinsky's archive (reprinted from the handwritten original).

Mandelstamm Y. Breakaway. A Drama Collection // Vozrozhdenie. 7 January, 1938.

Mandelstamm Y. Kuprin // Vozrozhdenie. 2 September, 1938.

Mandelstam Y. Kniga o balete [A Book on the Ballet] // Vozrozhdenie. 30 June, 1939.

Mandelstamm Youri. Collected works in 3 vols. / Ed., forewords E. Dubrovina, M. Stravinsky; text prep., comments, name index by E. Dubrovina. Moscow: Yurayt, 2018.

Poplavsky B. Y. Unpublished works. Diaries. Articles. Poems. Letters. Moscow: Khristianskoe izdatelstvo, 1996.

Rapoport Y. Konets Zarubezhiya [The Decline of the Émigré Community] // Sovremennie zapiski. 1939. Issue 69. P. 373—382.

Vysheslavtsev B. Parizh [Paris] // Sovremennie zapiski. 1923. Issue 16. P. 92—106.